

ГЛАВА 1. СТРАШНЫЕ ГЛАЗА

Из укромного места под тёмными-тёмными корнями тёмного-тёмного дерева, растущего в тёмном-тёмном ельнике, на него смотрели светящиеся красные-красные глаза.

Медвежонок Комка жалобно рыкнул и, высоко подбрасывая мохнатые лапы, без единой мысли кинулся наутёк. Комка бежал так быстро, что запутался в зарослях ежевики и с треском скатился в овраг. Внизу, надёжно забившись в можжевельник, он наконец подумал: «Мамочки, как страшно!»

— Эй! — позвали сверху.

«Не вылезу, — решил Комка, — опять дразнить будет».

— Я знаю, что ты там! — Заяц Дюха не уходил.

— А откуда знаешь? — Комка расцепил лапы, которыми накрыл голову.

— Оттуда, что кусты трясутся! И каждому ясно, что в них трясётся трусливый медведь! Боишься?

— Чего это я боюсь? — Комка вспомнил красные глаза и задрожал ещё сильнее.

— Всего! — торжествующе объявил заяц. — Об этом даже в моём стихе сказано:

*От шума, и звука, и каждого стука
Медведкины уши дрожат.
Однажды он взялся и так забоялся,
Что сел невзначай на ежа!*

Дюха был поэт и дразнилки сочинял иногда очень колкие. Но про то, что они колкие, он не догадывался, поэтому захлопал сам себе.

— Не сел я никуда, — сказал Комка. — И я не медведка, а медведь.

— Это ещё надо доказать! — Дюха обидно засмеялся.

А медвежонок вдруг понял, что ему больше некуда пойти. Там, под тёмным-тёмным деревом, было его тайное убежище. Его берлога. Маленькая, уютная, тёплая. А теперь в ней обитают страшные глаза. Медвежонок тихонько заскулил.

— Поёшь? — обрадовался заяц.

Он картинно отставил лапу, застучал кроличий марш и выдал очередной поэтический шедевр:

*И крики, и писки, и прочие взвизги
Медведка удержит едва.
Однажды от страха он так громко ахнул,
Что с ветки упала сова!*

Тут на медвежонка и в самом деле что-то упало. И он действительно ахнул.

— Спасите, помогите! — верещало упавшее. — Грабят, убивают!

Комка вылез из кустов. На загровке у него сидела белка Летяга и вопила на весь лес:

— Я летела, а они!.. Как они посмели?! Меня, крылатую белку! Напугали, обобрали, изничтожили!

Медвежонок помотал головой, но стряхнуть белку не удалось. Она ещё крепче вцепилась ему в шерсть, продолжая завывать:

— Повергли в ужас! Нагнали страху! Заставили трепетать!

Заяц Дюха поднял с земли шишку и показал белке. Она тут же захлопнула рот, уставилась на шишку и прищурилась.

— Рассказывай, — велел Дюха.

— Я видела кошмар!

Белка перебралась медвежонку на голову, оттолкнулась и сделала прыжок-перехват.

Дюха быстро спрятал шишку за спину. Летяга врезалась в ствол сосны, соскользнула на землю, отряхнулась и вытаращилась на зайца:

— Вы что, жадничаете тут?! Трясётесь над каждой шишкой?! — Белка медленно обходила зайца по кругу, готовясь к новому броску. — Крохоборствуете?! А сами не знаете, что творится!

Комка повёл носом, разгрёб лапой листву, нашёл ещё две шишки и протянул обе белке:

— Может, нам и не нужно этого знать, — сказал он. — Я чувствую, это что-то страшное. Лучше не рассказывай.

Белка схватила шишки и возмутилась:

— Вы что, не хотите узнать про глаза? Не желаете? Отказываетесь?!

— Какие глаза? — насторожился заяц Дюха. — Страшные?

И забарабанил лапой.

— УЖАСНЫЕ! — Белка хотела показать, какие, но передумала. — Они угрожали! Они... моргали! Они были в норе. А я пролетала мимо и выронила, о-о-о... нечто изумительное! Нечто невообразимое! Особенное! Прекрасное! Совершенное, о-о-о...

— Её заклинило, — сказал заяц и помахал шишкой.

Белка клацнула зубами, не сводя с шишки глаз:

— О-о-о... что я выронила! Слёзы!

— Ты выронила слёзы? — заволновался медвежонок.

— Орех, простофиля! — огрызнулась белка и причмокнула. — Я выронила орех. Он закатился,

я за ним — юрк. А они уже там. Уже глядят. Уже запугивают! Поберегись!

С последним выкриком Летяга наскочила на оторопевшего Дюху и вырвала у него шишку задней лапой. Три шишки сразу она удержать не смогла и завалилась на бок. Но тут же вскочила, настороженно глядя на зайца:

— Вы что, мне не верите? — Белка загородила шишки собой и скорчила Дюхе гримасу.

— Я верю, — сказал Комка. — Я тоже их видел. И это не нора — это моя берлога.

— Там остался мой лучший орех! — Белка снова начала паниковать: — Мой самый крупный орех! Самый любимый орех!!! Са... — Она вдруг замолчала и подступила к медвежонку: — Верни мне его!

— Но у меня его нет, — Комка развёл лапами.

— Как это нет?! — не сдавалась Летяга. — Он же в ТВОЕЙ берлоге! Я требую свой орех! Орех-великан! Орех-гигант! Орех всей моей жизни!!!

Заяц Дюха завязал уши под подбородком, чтобы убавить звук, и достал блокнот. Он хотел прославиться в веках, поэтому на всякий случай писал стихи обо всём. Орех-гигант показался ему подходящей темой. Дюха напыжился:

**Над лесом однажды орех пролетал,
Несомый бельчачьей ногою...**

Летяга захохотала, как гиена, и заяц выронил блокнот.

*Помоги белке добраться до дупла так,
чтобы по пути собрать все сосновые шишки.*

Увидев Дюхин блокнот, медвежонок опустил-
ся на землю. Сейчас он и правда мог бы сесть на
ежа и даже не заметить. Не только белка потеряла
своё сокровище. Медвежонок тоже утратил кое-
что важное.

Комка вспомнил про «Книгу страхов».

ГЛАВА 2. СТРАХИ ПРОСТЫЕ И НЕ ПРОСТЫЕ

О том, что он трус, медвежонок и сам знал. Но что он мог поделывать? Легко сказать «не бойся!». А попробуй-ка не бояться...

— Не бойся, — говорили Комке звери, — это всего лишь дупло, всего лишь пруд...

А Комка думал: «Из дупла вылетят злые пчёлы, изжалят весь нос, того и гляди — задохнёшься. А в пруду облепят пиявки и высосут всю кровь. Страшно!»

Но, кроме простых страхов, были страхи не простые. Они появлялись в Комкиной голове незвано-непрощено. И он сам не понимал, откуда они берутся.

Как-то раз Дюха застал медвежонка в поле. Комка ползал по земле, засовывал что-то в кротовые норки, а потом втыкал рядом флажки. В лапах он держал жёлтое ведро.

— Будет праздник? — Дюха помахал флажком и заглянул в ведро.

На дне лежала большая морковка.

— В честь меня? — Заяц хлопнул себя в грудь: — Рыцаря прозы и стиха?

— Осторожно, — сказал Комка, — они могут покусать.

Дюха сначала отскочил подальше, а потом спросил:

— КТО?!

— Бешеные кроты. — Медвежонок пожал плечами. — Хотя днём они редко нападают.

— Почему? — Заяц настороженно разглядывал поле.

— Потому что отдыхают после ночных вылазок.

— Я говорю, почему ты решил, что кроты взбесились? — Дюха застучал лапой громче обычного.

В КОМКИНОЙ КНИГЕ ПЕРЕПУТАЛИСЬ ВСЕ СТРАХИ.

ОТЫЩИ ИХ ПО КАРТИНКАМ.

СОЕДИНИ ЛИНИЯМИ ПОДХОДЯЩИЕ СЛОВА.

лес
кроты
пчёлы
глаза
Свирепые
Красные
Кусачие
Тёмный

— Ну, я подумал, а почему бы им не взбеситься? Я отмечаю норки, чтобы обходить их.

— Не, — сказал Дюха, но не очень уверенно. — Зачем им на тебя нападать?

— Затем, что в темноте они могут принять меня за червяка.

— Как можно медведя принять за червяка? — удивился Дюха.

— Это я знаю, что я медведь. А они-то не знают, они же не приглядываются.

— Но ты же пахнешь медведем!

— Ну да. Но что, если я спал в овраге, а рядом полз червяк? Что, если он позвал своих друзей червяков, и они потоптали меня, пока я спал? Тогда я точно буду пахнуть червяком, и кроты набросятся...

— Бррр, — Дюха затряс головой. — Ты нормальный?

— Я-то да, — засопел медвежонок, — а вот кроты, может быть, и нет.

Заяц Дюха подумал, что в чём-то Комка прав: где доказательства нормальности кротов? Нет таких доказательств. А значит, опасность нападения исключать нельзя.

— Понятно, — сказал Дюха. — А что ты в норки совал? Заглушки?

Медвежонок засмеялся и замахал лапами:

— Это морковка, — Комка достал из ведра последнюю и отдал зайцу. — Я хотел угостить кротов, чтобы они подобрали.

Дюха немедленно сточил морковь, вытащил поэтический блокнот и сочинил трагический «Кротовый стих»:

Мы ведать не знали,
Мы знать не гадали,
Мы были с кротами на «ты».
Но сердце упало,
И дружбы не стало,
Когда озверели кроты.

— Прости, пожалуйста, — сказал медвежонок, — но куда упало твоё сердце?

— Это твоё сердце упало, — строго сказал заяц. — В самые пятки. От страха!

Он взмахнул огрызком моркови и победно вскинул лапу:

Чтоб тёмною ночью
Порвать зверя в клочья,
Кроты эти могут напасть.
От жутких последствий
Одно только средство —
Моркови, моркови им в пасть!

— Хорошие стихи, — похвалил медвежонок, — но всё равно страшно. Даже ещё страшнее от таких стихов.

— Значит, я, — обрадовался Дюха, — страшнее кротов! То-то же!

Комка подумал и решил, что зайца бояться всё-таки не станет. Были у Комки страхи и посерьёзнее. Такие, которые самые настоящие, например: могут ли лягушки зацекотать животное, если оно решит поплавать?

Что шуршит в кустах, когда мимо проходит очень трусливый зверь?

Почему майских жуков называют хрущами? Не потому ли, что вместе с листьями они могут схрупать заодно небольшого медведя?

Если мыши соберутся в стаю и начнут пищать хором, выдержат ли уши? Такие кругленькие коричневые ушки?

Сможет ли косолапый зверь быстро убежать на косых лапах по прямой тропе?

Вопросов у медвежонка был миллион. Поэтому он завёл «Книгу страхов». Туда Комка записывал всё, чего испугался за день. Иногда это помогало сразу, и он переставал бояться. Иногда тайный страх, после того как его записали в книжку, жил ещё долго, но всё равно казался уже не таким большим. Комка словно убирал его в коробочку: помещал под обложку, и страх становился меньше. Кроме того, медвежонок верил, что страхи в книге пугают друг друга. Это подрывает их силу, и пугать Комку им становится лень.

Комке очень хотелось запереть под обложку эти страшные глаза, но... книга была в берлоге — у них. А если глаза прочтут книгу? Узнают все страшные медвежьи тайны и будут пугать его нарочно? Ой, что будет... мамочки!

— Я должен вернуть книгу, — неуверенно сказал медвежонок.

Белка Летяга обежала его кругом и упёрла лапы в бока.

— Прежде всего, ты должен вернуть мой орех! — взывала она. — И как можно скорее! Пока его не

НАРИСУЙ ИЛИ ЗАПИШИ В КОМКИНУ «КНИГУ СТРАХОВ»
СВОЙ САМЫЙ СТРАШНЫЙ СТРАХ.

разгрызли, не сточили, не смячили, не испортили зубами! Мой дорогой, большо-ой...

— Ой-ой-ой! — Заяц Дюха тоже взвыл, белка орала громче пожарной сирены. — Комка, обещай ей немедленно! Срочно обещай, иначе все умрут от оглушения.

— Я обещаю, ладно, — медвежонок вздохнул.

— Отлично! — Заяц похлопал его по плечу. — Не переживай, если ты геройски погибнешь, я воспою твою смерть в стихе!

Комка поперхнулся. Так далеко он ещё не заглядывал.

— Но... вы же поможете мне, правда? — Медвежонок с надеждой взглянул на зайца.

Заячья лапа дёрнулась, сорвалась на барабанную дробь, но Дюха быстро прижал её другой лапой.

— Белка, — сказал он, надув щёки. — Ты должна пойти с медвежонком! Имущество пропало у обо-